

ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ И ФЕДЕРАЛЬНОЙ КАЗНЫ В ПОЛИСАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ БЕОТИИ

© 2011 г.

С.К. Сизов

Нижегородский коммерческий институт

Sergey_Sizov@yahoo.com

Поступила в редакцию 05.10.2011

Наиболее надежным источником доходов в полисах аграрной Беотии являлись различные поземельные сборы, в т.ч. плата за аренду городских земель и десятина урожая, которую, по-видимому, были обязаны платить и собственники, и арендаторы. Источниками пополнения городского бюджета служили также таможенные пошлины, налог с метеков, сборы, взимаемые с туристов и паломников, штрафы и пожертвования богатых «благодетелей», добровольная подписка граждан. Если этих средств не хватало, полисам приходилось взимать чрезвычайный налог под названием telos или занимать деньги у частных лиц. Казна Беотийского союза пополнялась прежде всего за счет взносов, которые делали полисы.

Ключевые слова: Греция, полис, Беотия, федерация, поземельный налог, литургия, Полибий, эпиграфика.

Известно, что финансовая система древнегреческих полисов отличалась большим своеобразием, прежде всего потому, что граждане (основная часть населения полиса), сосредоточив в своих руках всю земельную собственность, тем не менее, были освобождены от уплаты регулярных прямых налогов, и подушных, и подоходных, и поземельных. Отдельные полисы компенсировали это тем, что превращали другие города в зависимых союзников и брали с них дань (как Афины в V в. до н.э.), либо тем, что использовали выгоды своего географического положения и богатели, облагая пошлинами транзитную торговлю (как Родос в эллинистическую эпоху). Гораздо менее очевидным является ответ на вопрос, каким образом удавалось сбалансировать свой бюджет периферийным аграрным полисам, которые были недостаточно сильны, чтобы облагать данью других, и не могли рассчитывать на большие доходы от торговых пошлин. Как кажется, весьма показательным примером в этом отношении могут служить полисы Беотии, греческой области, которая отличалась плодородием земель и была населена в основном более или менее зажиточными земледельцами и скотоводами. Почти все сведения о финансовом положении беотийских полисов относятся к эллинистическому времени, т.е. к III–II вв. до н.э. Главным источником

служат надписи на камне с текстами хозяйственных документов из различных беотийских городов.

Как и следовало ожидать, наиболее часто в эпиграфических документах встречаются упоминания об извлечении полисами доходов из земельной собственности. Самые подробные сведения на этот счет происходят из Феспий, где аккуратно, год за годом публиковались данные об аренде общественных, главным образом храмовых земельных участков. Сохранились отрывки этих отчетов примерно за 50 лет (около 250–200 гг. до н.э.). Принадлежавшие городу «сад Муз», «поле Геракла», «земли Гермеса» и другие посвященные богам земельные участки сдавались в аренду частным лицам. Ведали арендой должностные лица полиса, а арендная плата поступала в городскую казну Феспий [1, № 44–57]. Общественная земля могла также послужить залогом, если полис занимал деньги у частного лица. Например, в Акрефии «священное поле Аполлона» стало объектом ипотеки, которая заключалась в том, что в случае неуплаты долга в срок кредитор получал право взимать в свою пользу арендные платежи с данного участка [2, № 16]. Данный источник дохода давал полисам существенные средства, был надежным и стабильным. К тому же эти доходы постепенно возрастали, поскольку площадь

священных земель увеличивалась за счет пожертвований и завещаний. В арендаторах не было недостатка: сохранилась надпись из Фив (правда, уже римской эпохи), где упомянуты 36 претендентов на аренду одного-единственного участка (3, № 2446). В аренду сдавались и другие виды городской недвижимости. Так, в Лебадее периодически проводились празднества и состязания в честь Зевса Царя, а в промежутках между «Царскими играми» (Βασιλεία) общественный ипподром, стадион, конюшни и т.д. предоставлялись внаем всем желающим [3, № 3078]. Наконец, расположенные на территории полиса пастбища, которые обычно использовались гражданами безвозмездно, также могли приносить прибыль. Города Акрефия, Копы и Орхомен, расположенные на побережье Копайдского озера, в местности, которая славилась просторными лугами, нередко расплачивались со своими долгами, предоставляя иногородним кредиторам вместо денег право ἐπινομία, т.е. пастбы определенного количества голов скота на общественном пастбище. Иногда это право напоминало римский сервитут, т.к. предоставлялось без ограничения срока и с правом наследования, иногда же давалось на несколько лет, но с большим размахом; так, одному гражданину Элатеи было разрешено в течение четырех лет пасти 220 быков и тысячу баранов и овец на территории Орхомена. Для контроля за исполнением подобных сделок в Орхомене избирался особый «заведующий пастбищами» (νομῶνας) [2, № 12, 15, 16А].

Видимо, немаловажным источником дохода для беотийских полисов служили поземельные подати, которые, помимо ренты, взимались с арендаторов городских земель. В нескольких надписях из Феспий упоминается «десятина», причем из феспийских документов явствует, что ее платили «по закону» именно арендаторы принадлежащих городу участков [1, № 48, 53]. «Десятина» упоминается также в надписи из Фисбы, относящейся уже к римской эпохе [4, № 646]. М. Фейель посчитал эту десятину своеобразным «налогом на аренду» в размере десятой доли арендной платы [5, р. 224], а П. Рэш и Л. Мижотт [6, р. 298–299; 7, р. 7–8] предполагают, что десятина исчислялась от стоимости урожая и уплачивалась всеми, кто возделывал землю на территории полиса, включая граждан. Это последнее предположение, казалось бы, противоречит традиционному представлению о налоговой системе греческого полиса, однако в последнее время было собрано и обобщено достаточно свидетельств, доказывающих, что прямые и поземельные налоги с граждан были не такой уж редкостью в греческом мире [8; 9; 10, S. 376]. Нам не-

известно, являлась ли беотийская десятина урожая исконным местным налогом, унаследованным от классических времен, или нововведением эллинистического периода, вызванным к жизни, может быть, примером аналогичной подати в Сиракузах, Пергамском царстве и других государствах эллинистического мира. В любом случае аграрные по преимуществу полисы Беотии должны были собирать в виде десятины весьма немалые средства.

С другой стороны, беотийские полисы с их аграрным хозяйством не являлись столь же оживленными торговыми центрами, как Афины, Коринф или Родос. Очевидно, и торговые пошлины были для них не главным, а второстепенным источником пополнения бюджета. Те города, которые имели морские гавани – Ороп, Фисба, Феспии, разумеется, брали с купцов пошлины за право торговли и провоза товаров¹; составляли ли они те же 2%, что и в Афинах, неизвестно. Возможно, не менее прибыльным было обложение налогом тех туристов и паломников, которые во множестве стекались на священные празднества, проводимые в Беотии. Известно, например, что власти Лебадеи взимали определенную сумму с каждого, кто приезжал спросить оракула Зевса Трофония в окрестностях города [3, № 3055]. Отрывочные сведения также подсказывают, что в Беотии, как и повсюду в греческом мире, подушным налогом облагались метеки (резиденты-неграждане)², взимались некие суммы в пользу города при издании актов об освобождении рабов³, существовали сборы за право торговли на городских рынках. Источником дохода для полисов были, помимо прочего, штрафы и средства, вырученные от продажи конфискованных имуществ⁴.

Известно, что в эллинистическую эпоху не только сохранилась, но и приобрела всеобщее распространение старинная греческая традиция возлагать литургии на самых зажиточных граждан. Многочисленные свидетельства наглядно показывают, что пожертвования богатых «благодетелей» в III–II вв. до н.э. стали едва ли не главным источником пополнения полисных бюджетов. Не была исключением и Беотия. Отдельные состоятельные граждане добровольно возлагали на себя почетные обязанности хорегов, которые должны были оплачивать театральные постановки (пример из Орхомена – [3, № 3211], и должностных лиц, ответственных за проведение празднеств. Насколько больших затрат требовала эта последняя должность, показывает сохранившийся отчет агонифета («устроителя») Царских игр в Лебадее, который с гордостью отмечает: «Из собственных средств я оплатил проведение жертвоприношений и со-

стязаний; я уж не буду упоминать суммы, выплаченные служащим, писцу, гравировщикам, которые вырезали на камне список победителей и тексты прочих документов» [3, № 3078]. Умножали имущество храмов, а следовательно, и полисов, богатые пожертвования Зевсу, Аполлону и другим почитаемым в Беотии божествам. Некоторые пожертвования достигали огромных размеров. Так, гражданин Ларимны пожертвовал Аполлону Птойскому (видимо, на проведение празднества в честь бога) целых 4700 драхм [3, № 4137]. Время от времени с определенной, как правило, «богоугодной» целью в городах Беотии объявлялся сбор средств путем добровольной подписки – ἐπίδωσις⁵. Деньги вносились обычно на ремонт того или иного храма, иногда также на закупку зерна в неурожайный год. Сбор средств по подписке не давал городам таких внушительных сумм, как индивидуальные пожертвования богачей, так что подписка лишь частично покрывала ожидаемые расходы. Очевидно, реставрация храмовых зданий проводилась преимущественно за счет городской казны, однако скромные средства, пожертвованные рядовыми, небогатыми гражданами, позволяли оплачивать немалую часть сметы.

Все упомянутые источники городских доходов являлись более или менее регулярными и, по-видимому, этих средств хватало, чтобы полисы, не залезая в долги, несли свои обычные, повседневные расходы (содержание городских имуществ и управление ими, уплата жалования воинам, проведение религиозных обрядов и праздников и т.д.). Однако время от времени городам требовались действительно значительные суммы, если возникала необходимость, например, срочно отремонтировать городские стены или закупить хлеб для горожан в неурожайный год [3, № 4262]. Покрыть такие чрезвычайные расходы за счет регулярного бюджета было невозможно, так что полисам приходилось прибегать к экстраординарным мерам, в частности взимать со всех землевладельцев и арендаторов земли чрезвычайный налог под названием τέλος (обязательство платить этот налог принимали на себя все арендаторы общественных участков в Феспиях [1, № 55]) или ἐνφορά (название чрезвычайного сбора в Орхомене [3, № 3172, v. 150]). Другим источником средств в чрезвычайных ситуациях служили займы. Сохранилось несколько надписей, повествующих о том, как беотийские города в III–II вв. до н.э. занимали деньги у частных лиц, преимущественно у граждан соседних, беотийских же городов [3, № 1737, 1738, 2383, 3054, 3171, 4263; 11, № 356]. Суммы займов не выглядят

настолько крупными, чтобы города погрязли в безнадежных долгах: самыми значительными из них были займы города Орхомена, который в 20-х гг. III в. до н.э. задолжал богатой женщине Никарете из Феспий 17 585 драхм, а Эвбулу из Элатеи – 21 866 драхм [3, № 3171, 3172]. С учетом того, что в Феспиях ежегодная арендная плата за землю, по подсчетам Р. Осборна, составляла примерно 20 драхм за гектар [12, p. 321], орхоменяне могли легко выплатить каждый из этих долгов, сдав в аренду, скажем, 100 гектаров городских земель на 10 лет (нет сомнений, что в этом крупном полисе площадь общественных участков была гораздо значительнее, чем 100 га). Тем не менее займы были краткосрочными, так что мобилизовать необходимые средства в срок Орхомену не удалось. В обоих случаях потребовалось то, что в современном мире именуется «реструктуризацией долга». Наибольшую настойчивость проявила Никарета, которая заставила высших должностных лиц города – полемархов, а также казначея и десятых состоятельных граждан выдать ей заемный вексель от своего имени, т.е. предоставить собственное имущество в обеспечение уплаты долга. Этот ход кредитора оказался достаточно действенным, и Никарета получила свои деньги с процентами еще до окончания отсрочки. Схожим образом удалось уладить дело и с Эвбулом.

Федеральная казна Беотийского союза, в отличие от полисной, не имела столь разнообразных источников пополнения. Ничего не известно о наличии земельных участков, которые находились бы в федеральной собственности; скорее всего, таковых не было вообще. Таможенные пошлины взимались не федерацией, а городами, и, как показывает пример соседнего Акарнанского союза, для того, чтобы хотя бы часть таможенных сборов в том или ином порту поступала в федеральную казну, требовалось заключить особый договор между союзом и полисом⁶. В Беотии такие документы не обнаружены. Налог на метеков также взимался не федерацией, а полисами. Часто даруемые иноземным прокседам Беотийского союза привилегии ἀτέλεια и ἰσοτέλεια, означавшие освобождение данных лиц от налога на метеков, гарантировались федеральными декретами, но исполнять эти постановления, т.е. не взимать налог, должны были города, в которых могли поселиться союзные проксемены⁷.

Данные беотийской эпиграфики, равно как и примеры других эллинистических федераций, неизбежно приводят нас к следующему выводу: единственным постоянным источником пополнения союзной казны могли быть только взносы, выплачиваемые городами, взносы обяза-

тельные, строго фиксированные и, вероятно, ежегодные. Между городами взносы распределялись по пропорциональной системе, которая применялась в Беотийском союзе еще в начале IV века до н.э., когда все беотийцы были разделены на 11 равных по численности частей – $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$, с тем чтобы от каждой части избирались один беотарх и шестьдесят членов союзного совета, в союзное войско направлялись тысяча гоплитов и сто всадников, а в казну федерации уплачивалась определенная, одинаковая для всех частей сумма – $\epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$ (Hell.Ox. XVI. 3–4). При этом один крупный полис составлял одну или даже несколько таких частей (Фивы – четыре), а небольшие города должны были объединяться (например, одну часть составляли вместе Галиарт, Лебадея и Коронея). Целый ряд эпиграфических документов свидетельствует о том, что пропорциональный принцип, описанный «Оксиринхским историком», использовался при формировании федеральных органов власти и союзной армии и в эллинистический период, хотя соотношение пропорций между полисами заметно изменилось, а число $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$, по-видимому, сократилось с одиннадцати до семи⁸. Как и прежде, пропорциональная система позволяла справедливо распределять между городами взносы в союзную казну.

Размеры взносов нам неизвестны, но можно с уверенностью утверждать, что их уплата не должна была пробить существенную брешь в полисных бюджетах. Расходы, которые несла федеральная казна, были не слишком существенными, если учитывать, что города сами оплачивали обучение и содержание своих воинских контингентов⁹, из которых целиком состояла беотийская армия. В Беотии не было регулярного союзного войска, состоящего из наемников или отборных воинов-беотийцев наподобие аркадских эпаритов или ахейских эпилектов, содержание которых ложилось бы тяжким бременем на федеральную казну. Члены союзного совета и другие представители полисов, делегированные ими в союзные органы власти, также должны были получать необходимые денежные средства от своих городов; по крайней мере, таков был порядок в Беотийском союзе классического периода¹⁰. По-видимому, основные регулярные расходы федеральной казны были связаны с содержанием общебеотийских святилищ, посвящением даров богам от имени всей Беотии и проведением празднеств союзного масштаба [подробнее см.: 13, с. 273–284]. Однако даже эти затраты частично компенсировались особыми целевыми взносами полисов на проведение тех или иных праздников, как, например, Царских игр в святилище Зевса близ

Лебадеи¹¹. Благодаря этому регулярные расходы союзной казны и, следовательно, ежегодные взносы полисов были сведены к минимуму. Поэтому ни надписи, ни литературная традиция не содержат свидетельств тому, что беотийские города тяготились обязанностью вносить деньги в федеральную казну и, подобно некоторым ахейским полисам, время от времени пытались или хотя бы надеялись избавиться от этого бремени (Polyb. IV. 60. 4–9; V. 94. 9). Нельзя исключить даже такое предположение, что в эллинистический период регулярные ежегодные взносы полисов в казну Беотийского союза были вообще полностью заменены разовыми целевыми платежами по мере необходимости, хотя такая возможность представляется маловероятной.

Тем не менее иногда союзные органы власти принимали такие решения, которые требовали особо крупных расходов. Так, около 220 г. до н.э. [датировка: 14, р. 337–342] было начато строительство грандиозного храма Зевса Царя в Лебадее. Этот дорогостоящий проект был утвержден союзным законом [текст: 3, № 3073], финансировался федерацией и осуществлялся под руководством федеральной коллегии наопеев («храмостроителей»), действия которых, в свою очередь, контролировали другие союзные магистраты – катопты (от $\kappa\alpha\tau\omicron\pi\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ – «изучать, обследовать»). Само наличие этих коллегий в составе федерального правительства наводит на мысль о том, что строительство в Лебадее было не единственным предприятием такого рода¹². Затраты на возведение храма Зевса оказались настолько огромными, что строительство, превратившееся в «долгострой», так и не было закончено (Paus. IX. 39. 4). Подобные чрезвычайные расходы подразумевали дополнительный сбор средств каким-то особым образом. Как уже говорилось, города в таких случаях прибегали к обложению жителей чрезвычайным налогом под названием $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$. Документ из Феспий, содержащий упоминание об этом, свидетельствует также и о том, что подобный налог мог вводиться и Беотийским союзом. Полностью эта фраза звучит следующим образом: $\epsilon\iota\ \delta\epsilon\ \tau\acute{\iota}\ \kappa\alpha\ \delta\epsilon\acute{\iota}\epsilon\iota\ \tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\mu\phi\epsilon\rho\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\alpha}\nu\ \pi\acute{o}\lambda\iota\nu\ \epsilon\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{o}\ \kappa\omicron\iota\nu\acute{o}\nu\ \beta\omicron\iota\omega\tau\acute{\omega}\nu$, $\upsilon\sigma\iota\ \acute{o}\ \gamma\alpha\ \phi\epsilon\rho\gamma\acute{o}\varsigma$ [1, № 55, v. 26–27], т.е. «если надо будет уплатить какой-то налог либо полису, либо Беотийскому союзу, пусть земледелец платит». Исследователи единодушно полагают, что речь здесь идет именно о чрезвычайном обложении («если надо будет...»), причем обложении поземельном, поскольку обязательство платить $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$ возлагается на лиц, пользующихся земельными участками, будь то собственники или арендаторы [15,

р. 272; 6, р. 298; 7, р. 8]. Надо полагать, что система взимания такого налога, установленного союзом, сводилась к тому, что каждая часть (*μῆρος*) федерации получала задание собрать определенную сумму, затем, если в данный округ входило несколько полисов, задание доводилось до отдельных общин, а уже городские власти рассчитывали, какая сумма налога причитается с каждого плетра обрабатываемых земель и на этой основе устанавливали размер подати частным лицам. В аграрной Беотии это был гораздо более эффективный способ чрезвычайного налогообложения, чем введение подушной подати, которая могла оказаться неподъемным бременем для малоимущей части населения.

Рассмотренные здесь эпиграфические свидетельства о финансовом положении полисов Беотии и федерации беотийцев в III–II вв. до н.э. позволяют прийти к выводу, что и города, и союз на протяжении основной части этого периода имели достаточные источники доходов, чтобы сводить концы с концами. Возможность прибегать к чрезвычайному налогообложению, которое затрагивало главным образом имущие слои, и займам позволяла беотийцам соблюдать определенный баланс между доходами и расходами даже в сложных ситуациях. Такое заключение может показаться излишне позитивным на фоне известного высказывания Полибия (XX. 6. 1–3) о почти катастрофической социально-экономической ситуации, сложившейся в Беотии в конце III – начале II века до н.э. «Государство беотийцев, – пишет ахейский историк, – дошло до столь дурного состояния, что в течение примерно двадцати пяти лет у них не осуществлялось правосудие ни по общественным делам, ни по частным искам. Власти, объявляя то призыв на гарнизонную службу, то всеобщее ополчение, постоянно срывали судебные процессы. Некоторые из военачальников даже выплачивали деньги из общественной казны неимущим людям. Из-за этого простой народ приучился поддерживать и наделять властью тех, с помощью которых надеялся избежать наказания по суду как за преступления, так и за неисполненные обязательства, а вдобавок и получать время от времени казенные средства по милости властей». Оставляя в стороне достаточно сложные вопросы о том, какое именно двадцатипятилетие в рамках этого периода имеет в виду Полибий¹³, а также о том, насколько проявилось в процитированном пассаже пристрастное отношение историка к беотийцам и стремление сгустить краски, отметим лишь, что Беотию, конечно же, не обошел стороной тяжелый социально-экономический кризис, охва-

тивший в конце III – начале II века до н.э. многие области Греции и выразившийся в росте массовой задолженности и социальных конфликтов. Бесспорным представляется также тот факт, что политические лидеры Беотийского союза пытались сгладить последствия этого кризиса откровенно популистскими мерами. Несмотря на то что Полибий пытается создать впечатление о вопиющей незаконности такой политики, на самом деле федеральные власти Беотии не превышали своих полномочий, призывая граждан (очевидно, в основном малоимущих) на военную службу и тем самым давая им возможность не являться на судебные заседания и получать казенные средства в качестве платы за службу¹⁴. Не исключено, что таким образом в Беотии был создан корпус профессиональных солдат, которые несли службу круглый год в течение длительного срока, причем за пределами родных полисов, благодаря чему их невозможно было вызвать в городской суд ни по поводу долговых тяжб, ни по поводу уголовных обвинений.

К нашей теме сведения, сообщаемые Полибием, имеют прямое отношение, поскольку подобные действия беотийских властей требовали огромных финансовых затрат. Можно предположить, что и в этом случае применялись традиционные способы дополнительного сбора средств – чрезвычайные налоги, основная тяжесть которых ложилась на зажиточных земледельцев, и займы из разных источников. Неясно, поступала ли плата воинам непосредственно из полисной казны тех городов, гражданами которых они являлись (что было обычной практикой в предшествующие времена), либо вначале денежные средства поступали в федеральную казну, и уже оттуда шли в войска. В любом случае в тот период, о котором пишет Полибий, беотийские полисы должны были испытывать немалые финансовые затруднения. Тем не менее в эпиграфических документах конца III – начале II века до н.э. нет свидетельств тому, что города Беотии были доведены до полной неплатежеспособности. Как справедливо указывает Д. Хенниг, описанные в орхоменских документах сложные процедуры «реструктуризации долга» предполагали наличие вполне дееспособной системы правосудия и реальной возможности города расплатиться с кредиторами, пусть и не сразу [16, S. 137–139]. В ином случае займодавцы не одолжили бы Орхомену ни драхмы, а город не стал бы прилагать столько усилий, чтобы договориться с кредиторами и выплатить долги. Безнадежными неоплатными должниками, о которых пишет Полибий, были частные лица, а полисы Беотии, судя по всему,

продолжали, хотя и с трудом, изыскивать необходимые средства даже в условиях серьезного социально-экономического кризиса.

Примечания

1. Портовые пошлины названы среди прочих источников дохода городов Оропа и Фисбы в римском сенатусконсульте 73 г. до н.э. [4, № 747].

2. Освобождение именно от этого налога должно подразумеваться под привилегией ἀτέλεια, которая традиционно предоставлялась проксенам беотийских городов. См. полный перечень проксенических декретов, изданных полисами эллинистической Беотии, в работе Дж. Фосси [17].

3. См. серию манумиссий из Херонеи с упоминанием подобного сбора: [3, № 3303, 3339, 3344, 3354, 3398, 3406].

4. Перечень соответствующих надписей приведен в работе С.Я. Лурье [18, с. 210–211].

5. Соответствующие надписи собраны и прокомментированы в работе Л. Мижотта [19, р. 70–84, № 27–29]. Во второй половине III в. – первой половине II в. до н.э. в беотийских городах производилась подписка для следующих целей: жители Орхомена собрали небольшие средства – около 180 драхм – на реставрацию храма Асклепия; граждане Танагры внесли опять-таки скромную сумму на перенос святилища Деметры и Коры в другое место (очевидно, в обоих случаях основную часть затрат понесла городская казна); феспийцы в начале II в. до н.э. собрали вкладчину несколько тысяч драхм на создание фонда для закупки хлеба для горожан [1, № 41].

6. Акарнанский союз по договору с городом Анакторием получил право забирать в федеральную казну половину торговых пошлин в период проведения празднества в честь Аполлона Актийского в качестве компенсации за то, что федерация стала оплачивать ремонт и содержание храма Аполлона, а также проведение самого праздника [20, № 583].

7. Перечень соответствующих документов и подробное обоснование высказанного здесь разъяснения см. в работе П. Рэша [6, Р. 301–302].

8. Доказательствами, в частности, служат распределение мест в федеральной коллегии ἀφεδριатеύοντες в конце IV – начале III в. до н.э. [3, № 2723, 2724, 2724 a, 2724 b], данные о происхождении беотархов в 263–255 гг. до н.э. [21, № 282], сведения о выборах представителей Феспий для участия в федеральных органах власти [1, № 84] в конце III в. до н.э., текст соглашения о совместном несении военной службы всадниками Орхомена и Херонеи [22, № 461], которое датируется 80-ми годами III в. до н.э. О конкретном распределении беотийских общин по семи «частям» союза в III–II вв. до н.э. и о системе представительства в этот период см. указанные далее работы [18, с. 115–117; 23, р. 103–105, 133, 138–140; 24, S. 38–47].

9. Об этом свидетельствует уже упомянутое соглашение всадников Орхомена и Херонеи [22, № 461], отчет фиванского гиппарха [3, № 2426], многочисленные надписи о подготовке эфэбов и ряд других документов.

10. καὶ βουλευτὰς ἐξήκοντα κατὰ τὸν βοιωτάρχον, καὶ τοῦτοις αὐτοῖς τὰ καθ' ἡμέραν ἀνήλισκον (Hell. Ox. XVI. 4). В толковании Т. Корстена [24, S. 190], которое представляется наиболее убедительным, под αὐτοῖς следует понимать те части союза, которые выдвигали своих представителей в союзный совет и, соответственно, должны были платить им «сточные».

11. Отчет Ксенарха из Гиетта, который был агонифетом Царских игр в конце III в. до н.э. (между 221-м и 216 гг.) и потратил на финансирование праздника немало собственных средств, содержит такое горделивое заявление: «Я освободил полисы от всех причитавшихся с них взносов (εἰσφορά) на проведение состязаний» [25, р. 365–369, № 19, v. 23–24].

12. В законе о строительстве храма Зевса Царя (строки 87–89) есть ссылка на другие федеральные законы, которые регулировали деятельность наопеев и катоптов. Конечно, можно предположить, что упоминаемые в документе наопеи были назначены специально для осуществления данного проекта, однако наличие закона под названием νόμος ναοποικῶς свидетельствует о том, что храмостроительство под эгидой федеральных властей велось и в предшествующие времена. Что касается катоптов, то подобная коллегия существовала во всех беотийских полисах и была постоянно действующей, а не создаваемой для контроля над исполнением конкретного предприятия. То же самое следует отнести и к катоптам Беотийского союза [6, р. 290–292; 26, р. 169–180].

13. Само описание беотийских дел у Полибия находится в контексте повествования о событиях 192 г. до н.э. Впрочем, в другом месте те же 25 лет беззакония отсчитываются от 187 года (Polyb. XXII. 4. 2). Соответственно, «дурное состояние дел» (καχεξία) продолжалось в Беотии либо с 217-го по 192 год, либо с 212-го по 187 год до н.э. [см. по этому поводу: 27, р. 274; 28, р. 72].

14. Упомянутый Полибием μισθός являлся, конечно же, не социальным пособием в современном смысле слова, а воинским жалованием [см. на этот счет терминологические и другие выкладки в работе: 28, р. 73].

Список литературы

1. Les inscriptions de Thespies / Ed. par P.Roesch. Edition électronique, 2007. URL: <http://www.hisoma.mom.fr/thespies.html>.
2. Migeotte L. L'emprunt public dans les cités grecques: recueil des documents et analyse critique. Québec–Paris, 1984.
3. Inscriptiones Graecae / Ed. W.Dittenberger. B., 1892. Vol. VII.
4. Sylloge inscriptionum Graecarum. Editio tertia / Ed. W.Dittenberger. Lpz., 1915–1924. Vol. 1–4.
5. Feyel M. Études d'épigraphie béotienne // Bulletin de correspondance hellénique. 1937. Vol. 61. P. 217–235.
6. Roesch P. Études béotiennes. Paris, 1982.
7. Migeotte L. Ressources financières des cités béotiennes // Boeotia antiqua IV / Ed. by J.Fossey. Amsterdam, 1994. P. 3–15.
8. Gauthier Ph. Ἀτέλεια τοῦ σώματος // Chiron. 1991. Bd. 21. P. 49–68.

9. Migeotte L. Taxation directe en Grèce ancienne // Symposium 1999. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte / Hrsg. von G. Thür, F. Nieto. Köln, 2003. P. 297–313.
10. Schuler Chr. Tribute und Steuern in hellenistischen Kleinasien // Geschenke und Steuern, Zölle und Tribute. Antike Abgabenformen in Anspruch und Wirklichkeit / Hrsg. von H. Klinkott, S. Kubisch, R. Müller-Wollermann. Leiden, 2007. S. 371–405.
11. Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1927. Vol. 3.
12. Osborne R. The land-leases from hellenistic Thespiai: a re-examination // La Béotie antique. Actes de colloque international, 1983. P., 1985. P. 317–323.
13. Сизов С.К. Федерализм и религия в эллинистической Греции // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 264–285.
14. Étienne R., Knoepfler D. Hyettos de Béotie et la chronologie des archontes fédéraux entre 250 et 171 avant J.-C. P., 1976.
15. Feyel M. Contribution à l'épigraphie béotienne. Le Puy, 1942.
16. Hennig D. Der Bericht des Polybios über Boiotien und die Lage von Orchomenos in der 2. Hälfte des 3. Jhdts v. Chr. // Chiron. 1977. Bd. 7. S. 119–148.
17. Fossey J. Boiotian decrees of proxenia // Boeotia antiqua IV / Ed. by J. Fossey. Amsterdam, 1994. P. 38–48.
18. Лурье С.Я. Беотийский союз. СПб., 1914.
19. Migeotte L. Les souscriptions publiques dans les cités grecques. Genève–Québec, 1992.
20. Inscriptiones Graecae, editio secunda / Ed. G. Klaffenbach. B., 1957. Vol. IX, pars 1.
21. Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1958. Vol. 15.
22. Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1978. Vol. 28.
23. Roesch P. Thespiens et la Confédération béotienne. P., 1965.
24. Corsten Th. Vom Stamm zum Bund. Gründung und territoriale Organisation griechischer Bundesstaaten. München, 1999.
25. Vollgraff W. Inscriptions de Beotie // Bulletin de correspondance hellénique. 1901. Vol. 25. P. 341–394.
26. Frölich P. Les cités grecques et le contrôle des magistrats (IVe - Ier siècle avant J.-C.). Genève-Paris, 2004.
27. Feyel M. Polybe et l'histoire de Béotie au IIIe siècle av. notre ère. P., 1942.
28. Walbank F. A historical commentary on Polybius. Vol. III. Oxf., 1979.

THE SOURCES OF REVENUE OF THE MUNICIPAL AND FEDERAL TREASURIES IN BOEOTIA IN THE HELLENISTIC PERIOD

S.K. Sizov

The most important source of revenue for the cities and the federation in agrarian Boeotia was the land taxation, namely the rent paid by the tenants of the public lands and a tax called “the tithe” paid by the owners and the tenants alike. The cities also collected the customs duties, some dues paid by the tourists and pilgrims, the tax imposed on the metics, the fines and confiscated values. Substantial sums came from rich “benefactors” and public subscriptions. If the treasury needed more money, the cities resorted to imposing a disposable tax called “telos” or borrowing considerable sums from private individuals. The treasury of the Boeotian league was replenished by regular financial contributions of the cities, by the extraordinary taxes and by other means.

Keywords: Greece, polis, Boeotia, federation, land tax, liturgy, Polybius, epigraphy.